

Н. Менькова

НАШ ДВОР

*«Я вливаю в свой сретенский двор
Словно в порт, из которого вышел!»
Юрий Vizбор.*

Двор – это специфическое понятие нашего детства, нашей молодости, которое означает гораздо больше, чем «участок земли между домовыми постройками» /по Ожегову/. В условиях коммунальных квартир и перенаселенных домов «двор» – это некая общность людей, живущих в пределах ограниченного строением пространства. Ведь говорили же некогда: «У нас двор очень дружный...» или: «Как мы ваш двор в футбол-то обштопали!..» И уж, конечно, не пространство между дворовыми постройками имел в виду Окуджава, провозглашая себя «романтиком старой закалки», явившимся «воспевать городские дворы».

Барды-шестидесятники вообще исключительно остро ощущали свою принадлежность к дворовым сообществам, а в стихах и песнях Юрия Vizбора оживают не просто московские, а *сретенские* дворы, располагавшиеся между Сретенкой и Кировской – так тогда называли Мясницкую улицу. Обитатели этих дворов знакомы мне по детским воспоминаниям: Лев Уран – гроза и бич нашего Уланского переулка; он сам и его соплеменники айсоры жили недалеко от нас... Танечка Белова – «внутрирайонный гений чистой красоты» – училась со мной в школе.

Но вот в конце пятидесятых годов началось расселение центра Москвы. Люди уезжали в новые микрорайоны, где дворов, как таковых, практически, не было. Отдельные квартиры располагают к известной замкнутости, а телевизоры надежно препятствуют ежевечернему общению соседей. Живешь в доме много лет, а почти никого из соседей не знаешь. Встретишься невзначай: «Здравствуйте – до свидания!» – вот и все общение. Конечно, наши корни не в однотипных блочных и панельных домах, а там, где мы выросли и прожили большую часть своей жизни. Давно мы покинули милые сердцу улицы и переулки: Уланский, Костянский, Давев – но наши дворы, наше прошлое продолжает тянуть нас к себе невидимыми нитями, и мы перезваниваемся с бывшими соседями, заходим при случае «на старое пепелище», с сердечной болью смотрим на «наши» окна и балконы...

Так вот и я: оказалась случайно на Садовом кольце и не удержалась – прошла Уланским переулком к знакомым шестиэтажным корпусам, которые числятся под номером 14 и представляют собой часть целого архитектурного ансамбля, воздвигнутого по заказу Метростроя. В Москве в начале тридцатых годов пустили в эксплуатацию первые линии метрополитена, и это было гордостью всей страны, а строители столичной подземки стали настоящими героями дня. Для Управления Метростроя тогда возвели величественное административное здание с великолепным цокольным этажом, по фасаду которого были установлены скульптуры мет-

ростроевцев в шахтерских робах с отбойными молотками и другими специфическими инструментами проходчиков подземных выработок.

Рядом с административным зданием построили два шестиэтажных жилых корпуса с удобными квартирами и газовым снабжением, что в то время было для Москвы большой редкостью. Всеобщая газификация началась только в конце сороковых годов, а до тех пор почти на всех кухнях нашего города коптели керосинки и шумели примусы... В новых домах были ваннные комнаты с газовой колонкой: «на кране одном написано «хол.», на кране другом – «гор.» И это тоже по тем временам было очень приятным новшеством: обитатели соседних домов с шайками и вениками ходили по субботам мыться в Домниковские бани.

Окружающие метростроевский комплекс строения были большей частью до-революционного происхождения, и, видимо, представляли собой популярные некогда доходные дома. Не вписывался в общую композицию большой военный гараж, фасад которого имел нетипичную для учреждений подобного рода полукруглую форму, что всегда вызывало удивление. Но не так давно обнаружилось, что гараж располагался в здании закрытого в свое время храма Николы в Дербене, главы и колокольня которого запечатлены на известной картине Перова «На бульваре». Так что метростроевские дома были построены на некогда принадлежавшей храму территории.

Достопримечательностью нашего района было здание ЦСУ – Центрального статистического управления. Спроектированное в начале тридцатых годов гениальным Корбюзье, это сооружение до сих пор поражает своеобразной красотой и отнюдь не производит впечатления памятника архитектуры минувшей эпохи. Наоборот, многие современные строения выглядят слабой копией этого шедевра. Стены здания ЦСУ сплошь стеклянные, его основание базируется на мощных опорах-колоннах, что было в те годы непривычно и дало повод окрестным жителям называть сооружение «домом на курьих ножках». Как это у нас водится, проходы между колоннами периодически перекрывались более или менее капитальными стенками и заборами (слава Богу, что этого не видел Корбюзье), но все-таки мимо здания ЦСУ было возможно пройти с Уланского переулка на Мясницкую. Сейчас здание ЦСУ и дома на Уланском переулке разделены Проспектом Сахарова, они оказались в отдалении – как бы на разных берегах широкой реки, хотя в прежние времена воспринимались как нечто целое: «двор», в широком смысле этого слова, со своими закоулками, укромными местечками, проходами с одной улицы на другую.

Квартиры в жилых корпусах «А» и «Б» получило все руководство Метростроя: начальник этого учреждения П.П. Ротерт, именем которого была названа впоследствии одна из улиц Москвы, главный инженер А. Г. Танкилевич, архитектор Н.М. Назаров. В доме было почти 100 квартир, и комфортабельное жилье получили многие участники строительства, в том числе ударники и стахановцы из рабочих. Последним квартиры выдавались в качестве премий, и когда много лет спустя, начались жилищные тяжбы между потомками этих самых стахановцев,

термин «премиальная квартира» вновь возник и даже обрел некоторую юридическую силу. Жилая часть метростроевского комплекса была очень скоро заселена и полностью укомплектована, а вот управленческое здание тут же после его завершения захватил какой-то, как тогда говорили, наркомат оборонного направления.

Наша семья поселилась в доме 14 в конце 1934 года, и все наиболее яркие впечатления довоенной эпохи связаны у меня с этим домом и с нашим двором, где, как мне теперь кажется, царила особая атмосфера благожелательности и миролюбия. Видимо, это было связано с тем, что дом, в основном, заселяли семьи, связанные между собой по работе: вместе трудились, ходили друг другу в гости, гуляли со своими детьми во дворе. А детей в предвоенные годы было в наших домах очень много. С маленькими гуляли матери и няньки, дети постарше играли в разнообразные игры, причем принимались в эти игры дети любого возраста, а затем малыши сами отсеивались, уступая в скорости, ловкости и изобретательности тем, кто был постарше. Во всяком случае, вижу себя в общих играх с большими мальчиками и девочками, из которых запомнились Лида Резникова, Волик Каменецкий, Володя Лозовский, который не только участвовал в играх, но часто гулял с младшим братишкой Лёней. Зимой Вова катал его, а заодно и других малышей с горки, возникавшей на дворе при уборке снега. Приятелем Володи был чернявый толстоватый мальчишка, которого все называли «Гийка», или даже просто «Гика» – впоследствии оказалось, что это был известный кинорежиссер Георгий Данелия в детстве.

Большим авторитетом во дворе пользовалась Майя Танкилевич из нашего первого подъезде, которая уже училась в школе. Помню ее сидящей на каких-то досках вместе с маленькой сестренкой Светланой-Ланочкой, а мы, пока еще дошколята, стояли возле них и слушали, как сложно учиться в третьем классе: «Дадут книгу, грамматику – во-о-от такой толщины, – показывается пальцами сантиметров пять. – Всю надо выучить!» – У меня от ужаса бегали по спине мурашки... Из своих сверстниц я больше других отличала Лилию Ананову, Нату Портнову, а также Ирочку Гольберт и Марианну Кошелеву, с которыми я ходила в немецкую группу: до войны подобные группы заменяли детские сады.

Основную часть двора с внешними территориями соединяли глубокие арки, проходящие через первые этажи жилых корпусов; мы называли эти арки «подворотнями». Через арку корпуса «Б» можно было пройти на «задний» двор и далее на Уланский переулок, а через подворотню корпуса «А» – на небольшой заасфальтированный двор-колодец наркомата. Однако, учитывая засекреченность этого учреждения, арку наглухо закрыли прочными воротами, через которые нельзя было ни проникнуть на запретную территорию, ни даже что-либо там разглядеть. А посмотреть очень хотелось, и я провела немало времени у этих закрытых ворот, прижавшись носом к узеньким щелочкам в них, тщетно пытаюсь увидеть нечто интересное. Один раз мне показалось, что на краю дворика, примыкавшего к нашему корпусу, сделана клумба, и растут какие-то цветы. Тогда я начала выглядывать из кухонного окна нашей квартиры, выходявшего на этот таинственный

двор, но то ли я боялась подальше высунуться, то ли мама, заметив мои упражнения, начала гонять меня от окна, только я так ничего и не разглядела...

В 1940 году дорожку между арками корпусов «А» и «Б» заасфальтировали, а другую дорожку провели перпендикулярно первой ко входу во двор. Последний оказался таким образом разделенным на три отдельных участка, которые помнятся мне пыльными, лишенными какой-либо растительности, заваленными мусором. Нельзя сказать, что не предпринимались попытки озеленить наш двор: на моей памяти много раз то осенью, то весной на его территории высаживались какие-то прутики, но к концу сезона от них не оставалось и следа – детвора все безжалостно выламывала. Только в углу, образованном Т-образным зданием корпуса «А», росли два прекрасных тополя. Во время войны с одного из них содрали кору, и дерево погибло, но еще лет десять, если не больше, оно стояло, простирая к небу сухие узловатые ветви, как немой укор человеческой жестокости. А потом этот тополь спилили, и о его существовании напоминал только мощный пенек, возле которого любили играть дети. Второй же тополь рос, хорошел, и, наконец, достиг самого верхнего шестого этажа дома, где жила наша семья, так что мы могли его видеть под своими окнами и, глядя на него, наблюдать сезонные изменения в природе: весной – набухание почек, цветение дерева удлинненными соцветиями – «червяками», распускание листвы; осенью – изменение окраски кроны, когда из зеленой она постепенно становилась ярко-желтой, прямо-таки золотой. И тогда в нашей полутемной комнате, выходящей на север, делалось светло и радостно, как будто под окном непрерывно светило солнышко. А потом листья бурели, засыхали и постепенно опадали. Дерево обнажалось, и цикл жизни замыкался наступавшей зимой.

Однако в послевоенные годы, когда началась компания по всеобщему озеленению и созданию защитных лесополос, в нашем дворе многое изменилось к лучшему. А как могло быть иначе, когда по радио без конца говорили о пользе зеленых насаждений, в газетах о том же писали, деревья всем классом то тут, то там сажали, песни о лесах исполняли: «Тополи, тополи, во поле притопали...» – и это не кто-нибудь – Шостакович! В конце сороковых годов, может быть даже к восьмисотлетию Москвы, у нас было посажено много молодых деревцев, и никто их больше не ломал, наоборот: следили, поливали, так что все они отлично принялись, и стал наш двор красивым и зеленым. Появился в нашем дворе и цветник: его устроила мать Лиды Резниковой, Ольга Васильевна. Балкон Резниковых на третьем этаже корпуса «Б» нашего дома являл собой настоящее чудо красоты и благоухания, и когда были созданы соответствующие условия, Ольга Васильевна сделала во дворе большую клумбу, около которой домоуправление соорудило скамеечки. Вечерами там сидели жители нашего дома, любуясь цветами и вдыхая запах табака душистого.

Сделали в нашем дворе и детскую площадку, где копошились малыши послевоенного поколения. Однако прежнего приволья для игр детей постарше не стало, и как только ребячья компания появлялась возле клумбы или молодых посадок,

так изо всех окон поднимался шум и крик. И тогда особенное значение приобрело внешнее по отношению к основному нашему двору пространство, называемое «министерством», или, по старинке, «наркоматом». Эта территория располагалась вдоль административного корпуса с фигурами шахтеров, которые, кстати сказать, в один прекрасный момент исчезли, причем мы даже не заметили, когда это произошло: спохватились как-то, а знакомых с детства монументов уже и нет.

Вдоль здания Министерства шел широкий тротуар, а проезжая часть – участок будущего проспекта Сахарова – была в то время тупиком: машины там, практически, не ездили, да их и вообще было мало в первые послевоенные десятилетия. Поэтому ничего лучше нельзя было придумать для игры в футбол, в классики, для прыганья через веревочку. Вот туда-то и перемещалась детвора из нашего дома, особенно весной. Когда во дворе еще лежал снег и было сыро, «на министерстве» уже просыхал асфальт, и все население дома высыпало на солнышко: старики беседовали на стульях у подъезда, дети играли и прыгали, в колясках сидело самое молодое поколение жителей нашего дома, а те, кто текущей весной вылезли из своих младенческих экипажей, учились ходить под наблюдением мам и бабушек. Потом, когда снег окончательно сходил, и деревья начинали распускаться, двор снова заполнялся местными жителями и играющими детьми...

Во времена моего отрочества подростки увлекались игрой в волейбол. Сеток у нас тогда не было, да и протягивать их было негде, поэтому мы обычно играли «в кружок» – все вместе, девочки и мальчики. Обучение в те времена было раздельным, поэтому игра с мячом был одним из средств общения между учащимися мужских и женских школ. У нас волейбол вызывал особенный интерес еще и потому, что к нам во двор приходил играть Сева Ларионов – «Пятнадцатилетний капитан». В конце сороковых годов на экраны вышел фильм с таким названием, и исполнитель роли Дика Сэнда сразу же стал кумиром всех девочек. Мы все были в него влюблены, но знали, что Сева приходит потому, что ему нравится обаятельная Марианна Кошелева... Впоследствии, когда все мы повзрослели, Всеволод Ларионов стал артистом театра Ленинского комсомола. Он нисколько не утратил своего обаяния, а талант был присущ ему с детства, и когда я видела его на сцене в роли Джона Роксмита-Гармона в спектакле по роману Диккенса «Наш общий друг», сердце у меня замирало, как в ранней юности...

Впрочем, в те годы я не так часто бывала во дворе, так как мои сверстницы учились в 273-ей школе на Садовом Кольце, а я – в 610-ой на Сретенке, и если у меня было свободное время, я гуляла там, где жили мои одноклассницы. Мое возвращение в недра родного двора произошло несколько лет спустя, после моего поступления в институт, но уже в новом качестве.

...Солнечным летним днем в августе 1955 года я вышла во двор со своим первенцем – сыном Алёшей. Я уселась на лавочку и тут же ощутила доброжелательность дворовой ауры. Ко мне подходили соседки, знавшие меня с детства, поздравляли, с интересом рассматривали мое произведение. На соседней скамейке баюкали еще одного младенца – при ближайшем рассмотрении оказалась, что это

дочка Лили Анановой - Алёнушка. Вскоре стала появляться Ната Портнова с крошечным Сашей.

Гулять стало весело и интересно, «родильные» и «молочные» дела можно было обсуждать до бесконечности, тем более, что проблема вскармливания младенцев в те годы стояла чрезвычайно остро. Это теперь идешь в магазин, где тебе на выбор предлагают любое патентованное детское питание, берешь то, что тебе рекомендовал врач, разводишь теплой водичкой молочную смесь – и корми ребенка на здоровье. Правда, не всегда это так гладко сходит, но все-таки есть какой-то выход. В пятидесятых же годах отсутствие молока у матери превращалось в настоящую трагедию, и, по крайней мере, в первые недели жизни необходимо было доставать ребенку донорское грудное молоко.

У одной из моих знакомых по имени Оля совершенно не было молока, и она очень мучилась со своей новорожденной дочкой Леночкой. Поэтому я начала узнавать во дворе, не остается ли у кого-нибудь из кормящих матерей лишнего молочка, и мне сказали, что в доме №16, примыкающем к нашим домам со стороны Уланского переулка, у некоей Риммы имеется искомое. Эту Римму я помнила с довоенных лет. Она принадлежала к солидной воровской семье, все члены которой проводили большую часть жизни за решеткой и лишь на короткое время появлялись дома. Рецидивисткой была и старшая сестра Риммы – Вера, красивая, уверенная в себе деваха. Римма же была подобна нежному хрупкому цветку: необычайно хорошенькая, с большими голубыми глазами и слабым румянцем на фарфоровом личике. Но «слава» тянулась за Риммой хвостом, и мы, дети, помнит-ся, ее сторонились...

Итак, волею обстоятельств я принуждена была отправиться к такой интересной особе, к тому же по столь деликатному делу. Я никогда раньше не заходила в дом №16, и меня неприятно поразили затхлый подъезд, темнота на площадках, лестницы с обломанными перилами. Мы с Олей поднялись в поисках нужной нам квартиры до самого верха, и я вскрикнула, споткнувшись обо что-то твердое. Единственная дверь, выходящая на площадку, тотчас же отворилась, и в мелькнувшем свете мы увидели цинковую ванночку, в которой спал завернутый в одеяло ребенок. Из-за двери выглянула прелестная тоненькая молодая женщина в изящном фартучке – это была Римма, ее нельзя было не узнать. «Заходите, заходите! - говорила она приветливо. – И не удивляйтесь, что моя дочка гуляет таким образом: коляски у меня нет, да и поставить ее было бы негде, а снизу все-таки идет свежий воздух...»

Мы вошли в какое-то, по-видимому, чердачное помещение, так как над головой были видны стропила. Впрочем, стояла газовая плита; Римма грела на ней утюг и гладила пеленки. «Это я их так сушу, – пояснила она нам. – Развешивать их тут все равно нельзя». Еще она сказала, что да, у нее остается много молока, и она с удовольствием будет его продавать. С этого дня Оля стала брать у Риммы излишки молока, хорошо ей платила, одаривала ее всевозможными сувенирами. Повидала Оля и Риммину дочку и рассказывала, что этот криминальный ребенок, не-

смотря на спартанские условия жизни, выглядит очень крепеньким, здоровым, развивается со значительным опережением. Соответственно количество получаемого Олей драгоценного эликсира прогрессивно увеличивалось, так что в конце концов она стала забирать его у Риммы пол-литровыми бутылками. Все было бы хорошо, но у Олиной дочки начались неприятности с желудком, и выяснилось, что Римма продавала обычное магазинное молоко. От ее услуг пришлось отказаться, но Олина девочка, между тем, подросла, и её можно было перевести на искусственное питание...

...Как-то бежала я с занятий из института и у подъезда нашего дома встретила Майю Танкилевич. Я знала, что их дружба с Володей Лозовским еще в школьные годы переросла в более нежное чувство, и вскоре после того, как Майя закончила школу и поступила на филфак МГУ, они поженились; Вова в то время уже закончил МВТУ им. Баумана. Майя меня остановила и начала заинтересованно расспрашивать, что там да как... в роддоме и после. И, судя по всему, мой сбивчивый инструктаж подоспел как раз во время, потому что вскоре Майя и Вова появились у нас со своим новорожденным сыном Сашей, и мы его взвесили на имевшихся у нас детских весах. Наш Алеша был уже трехмесячным, гулял в ползунках и кофточке, по сравнению с ним малыш Лозовский показался мне совсем крошечным и беспомощным. Только глаза его удивляли: большие, темные, не по-детски внимательные...

Вот так и началась наша дружба, скрепленная перманентными родительскими тревогами и заботами. Работу Майечка после рождения Саши не бросила: это было для нее, как и для большинства женщин нашего поколения, совершенно невозможно. Майя к тому же была педагогом по призванию и преподавала русскую словесность – самую гуманистическую из школьных дисциплин. Будучи человеком творческим, она постоянно изыскивала возможности для различных педагогических экспериментов не только в области обучения, но и в плане нравственного становления личности. Помню, со слов Майи, походы ее класса вместе со Львом Кассилем, встречи с другими детским писателями, «командировки» старшеклассников на спектакли в «Современник» и другие московские театры с последующим обсуждением их сообщений о новых пьесах и нашумевших постановках. Майя постоянно практиковала рефераты и выступления школьников на уроках с докладами на различные литературные темы. К тому же вскоре после рождения Саши она стала директором школы и оставалась в этой должности даже после успешной защиты диссертации в 1967 году, хотя работа в школе не давала прибавки к жалованию, положенной кандидату педагогических наук.

Саше было года четыре, когда у него появилась двоюродная сестренка Галочка – дочь Майиной сестры Ланочки, которая за минувшие годы из пухленького цыпленка превратилась в очаровательную и, прямо скажем, героическую женщину: при очень слабом здоровье и перенесенной операции на сердце она родила после Галочки еще сына Сережу и вместе с мужем Львом Шамисом воспитала этих двух прекрасных детей...

...После окончания института меня распределили на работу в конструкторское бюро, где я была занята с утра до вечера. Рабочая неделя в то время была очень уплотненной – восемь часов ежедневно, кроме воскресенья, никаких коротких дней и дополнительных выходных. Прибавьте к этому час обеденного перерыва, да время на дорогу, да каждую неделю политечеба, техучеба, собрания-заседания – получается, что уходила я из дому в восемь утра, а приходила в девять вечера. Воспитывала Алёшу и гуляла с ним во дворе моя мама. Но в 1959 году я поступила в аспирантуру и несколько освободилась. Во всяком случае, кончилось отсиживание в учреждении «от сих и до сих», я стала хозяйкой своего времени и могла больше внимания уделять своему ребенку, что, между прочим, и явилось основным побудительным импульсом для моего перехода на научное поприще.

Я стала чаще гулять с Алешей во дворе и общаться с мамами его маленьких сверстников. Очень подружилась я с Лилей Анановой, дочка которой Алёнушка была на семь дней моложе моего Алеши. Впоследствии наши дети оказались в одном классе в общеобразовательной школе, а также учились вместе в музыкальной школе № 25 в Докучаевом переулке, так что мы с Лилей и ее мамой, милой Ириной Владимировной, водили Алёнку с Алёшей по очереди на сольфеджио, на хор, на детские абонементные концерты в консерваторию. Мне Лиля нравилась еще в довоенные годы, но когда я стала встречаться с ней «на родительской почве», то вполне оценила ее ум, такт и редкостные способности: Лиля училась в техническом вузе и параллельно заканчивала музыкальное училище. Впоследствии она работала инженером, а музыка была ее «хобби», причем на самом высоком профессиональном уровне. Она много лет вела музыкальный лекторий, аккомпанировала певцам в самодеятельных концертах, сама выступала как пианистка ну и, конечно, занималась музыкой со своей дочкой. Алёнушка была умненькой и способной девочкой. Помимо музыки, она еще дополнительно занималась английским языком, фигурным катанием и при всем этом отлично училась в школе. Маму свою она любила как-то даже болезненно, тем более, что была с ней, фактически, разлучена: Лиля развелась с Алёнушкиным отцом, и жила со своим новым мужем, а девочка находилась у бабушки с дедушкой. Они были прекрасными людьми, но Алёнка очень скучала без мамы, часто плакала, и Лиля в течение многих лет приезжала после работы к родителям, гуляла с дочкой, занималась с ней, укладывала ее спать и только потом ехала домой..

Гуляя с Алёшей, я познакомилась с очень интересной женщиной, известным скульптором в монументальном жанре, Светланой Островской. Во дворе же она выступала в качестве мамы еще одной Алёнушки – Лены Бабич. Ничего удивительного: *Елена* было самым модным именем в пятидесятых-шестидесятых годах. Даже анекдот такой был: «У вас кто родился, мальчик или Леночка?» Ну а Леночек чаще всего называли мило и нежно – Алёнушка. Алёнка была дочерью Светланы от второго брака, а старшая ее девочка – от первого мужа – жила с дедом и бабушкой где-то в другом городе, и Светлана очень о ней скучала, жалела, что та воспитывается вдали от матери, не испытывает ее влияния. Каково же было удив-

ление Светланы, когда однажды, приехав навестить дочь, она обнаружила, что Марина прекрасно лепит, хотя никто ее этому не учил. Только в отличие от матери, ваявшей фигуры людей, девочка лепила животных. Пришлось Светлане срочно забрать дочку в Москву и отдать в художественную школу при Суриковском институте. Получив специальное образование, Марина подвизалась в качестве скульптора-анималиста; несколько лет назад я прочитала о ней статью в журнале «Работница» и порадовалась успехам девочки с нашего двора.

Вторая же дочка Светланы поначалу художественных дарований вроде бы не проявляла, и родители направляли её то на фигурное катание, то в балет, но выйти на новую для семьи дорогу в искусстве ей не удалось, и со временем Алёнушка пошла проторенным путем: окончила художественную школу, институт и стала художником-графиком...

История дочерей Светланы Островской подтверждает наблюдение психологов, состоящее в том, что способности к музыке и к изобразительному искусству часто передаются по наследству, так как эти виды художественного творчества проявлялись даже у первобытных людей. Писательский же и поэтический дар наследуются гораздо реже, так как письменность появилась сравнительно недавно. И хотя на ум тут же приходят Дюма-отец и Дюма-сын или, скажем, Леонид и Даниил Андреевы, все-таки следует отметить, что сыновья уступали в талантах своим отцам и пришли к писательской деятельности, быть может, вследствие известной традиционности в выборе рода занятий. В музыке же примеров, подтверждающих этот тезис, масса: взять тех же Штраусов или Бахов... Еще один забавный пример из репертуара Андрея Миронова: якобы, он в детстве не проявлял склонностей к искусству, так что приглашенный к нему пожилой учитель музыки сказал бабушке: «Мадам, у вашего внука нет никаких музыкальных способностей!» На это бабушка с возмущением возразила: «Как же так? Отец мальчика прекрасно играет на рояле – разве это не передается по наследству?» – «Мадам, – ответил учитель, – рояль по наследству передается...» К счастью для нас, этот старик ошибся: Андрей Миронов сполна унаследовал таланты и музыкальность своих родителей – эстрадных артистов Марии Мироновой и Александра Менакера. Правда, пианистом он все-таки не стал...

А как быть тем, у кого проявление таланта является некоей мутацией: все родственники нормальные люди, и вдруг кто-то, один из многих, ощущает в себе признаки божественного огня. Можно сказать одно: тяжело приходится такому человеку! На трудном пути становления художника или музыканта поддержка родных, уже преуспевших так или иначе в данной области, – это половина успеха, если не больше. Даже если у тебя есть лишь маленькая искорка таланта, ее раздуют, выпестуют, доведут до нужной кондиции, и ты станешь рядовым деятелем искусства. Но если ты первопроходец, не знаешь, как и куда сунуться, к кому обратиться за советом, если тебя некому поддержать, то, чтобы пробиться, нужно обладать не только большими способностями, но также немалой жизненной стойкостью и верой в свое предназначение.

В связи с этим хочу вспомнить нашу соседку по дому Катю Казанскую. Её бабушка, Любовь Ароновна Казанская, была ветераном Метростроя и по выходе на пенсию она получила в качестве поощрения две комнаты в соседней с нами коммунальной квартире – по тем временам и этому были рады. Вместе с Любовью Ароновной поселились её сын, невестка и две внучки. Светленькая и улыбочивая Люда была немного старше нашего Алёши, младшая, Катя, высокая, худенькая, с огромными черными глазами – года на два моложе. Кажется, это была первая девочка, которая произвела впечатление на нашего сына, тогда ученика начальной школы: «Катя красивая, – сказал он мне глубокомысленно, – правда, мама?»

Любовь Ароновна была замечательной бабушкой и очень приятной в общении женщиной. Она внимательно следила за развитием своих внучек, милых, воспитанных девочек. Однажды Катя подарила ей на день рождения рисунок – букет цветов. «Это кто нарисовал? Неужели ты?!» – поразилась Любовь Ароновна и, взяв Катю за руку, отправилась в изостудию Дворца пионеров и школьников, который помещался тогда недалеко от нас в переулке Стопани.

И все. И пропала Катя. Неожиданно пробившийся талант поглотил ее настолько, что она больше ни о чем и думать не могла. Все семейство вполне сочувствовало ее увлечению: бабушка добывала нужные краски, мама и папа охотились за беличьими и колонковыми кисточками – все это было в те годы дефицитом (и если бы только это!) Катя делала большие успехи, после изостудии Дворца пионеров она училась в каких-то специальных учебных заведениях, но поступить в Строгановское училище без поддержки было, практически, невозможно, и все Катини попытки были безуспешными. Уж и отец с матерью отступились и умоляли дочку пойти в какой-нибудь обычный вуз, ну хоть в Институт стали и сплавов, но Катя стояла на своем: работала где-то художником-оформителем и каждый год сдавала экзамены в Строгановку... Как-то, теперь уже давно, я встретила в подземном переходе на Лубянке Катиных родителей, и они сказали мне, что все-таки их настойчивая дочка добилась своего и на седьмой(!) раз поступила туда, куда хотела.

Неожиданный экскурс в заповедные области искусства нарушил хронологическую последовательность минувших событий... Итак, гуляние во дворе, кормление, укладывание спать, неизбежные, увы, детские болезни. Время тянется однообразно, медленно, а не успели опомниться – пора отправлять детей в школу. В 1962 году пошли учиться Саша Лозовский, Алёнка Федорова, Саша Портнов, наш Алёша – всех и не упомнишь. Дифференциация учебных заведений тогда только зарождалась – на всю Москву было всего несколько языковых школ – а потому всех детишек с нашего двора, не мудрствуя лукаво, записали в соседнюю 281-ю школу. Правда, Майя Лозовская похлопотала о том, чтобы Саша и Алёша оказались в одном классе. Учительница – уравновешенная и доброжелательная Надежда Алексеевна – не создавала в классе нервной обстановки, и дети наши учились легко и охотно.

Школьные заботы сблизили нас с Лозовскими еще больше. То мы вместе делали «Кассу букв и цифр» (заметим в скобках, что наши мальчики пошли в школу, хорошо умея читать, но – порядок есть порядок!), то изображали кленовые листья в тетрадах для рисования, а там подоспели новогодние праздники, и мы должны были делать заячьи костюмы и шапки с ушками. Володя Лозовский подошёл к этому заданию творчески: он вставил в «ушки» куски ватманских листов, так что они стояли торчком, и наши мальчики прыгали около ёлки, почти как настоящие зайчики. Главное, что было удобно, уж очень близко мы жили: в одном подъезде, Лозовские на третьем, а мы на шестом этаже. Сбежишь на три этажа вниз, и ты у друзей. Бывало, вечером возишься на кухне – вдруг звонок: Майка в брючках и фартучке бежит узнать уроки для Саши, который приболел. Обсудив школьные дела, переходим на другие темы; из комнаты, где укладывался спать Алёша, появляется мой муж Боря, и мы сидим втроем и треплемся обо всем на свете, пока Володя ни придет забирать жену домой, и тоже застрянет. Когда я слышу о «кухнях шестидесятых годов», то всегда представляю нашу кухню в коммунальной квартире на Уланском переулке и нас всех, расположившихся за соседским столом. Соседи наши несколько лет подряд жили за городом на даче в связи с инфарктом у главы семейства, так что мы чувствовали себя в квартире свободнее, чем обычно.

При общении с Майей и Володией Лозовскими всегда возникала атмосфера какой-то особенной доброжелательности, что определялось, конечно, их отношением друг к другу. Казалось, взаимное чувство этих людей горело ровным и ярким пламенем, и в его свете всем окружающим становилось как-то теплее и легче. Поэтому, наверное, у Лозовских было так много друзей, и все они охотно собирались в их доме. Мы с Борей стали часто бывать у них, принимать участие в общем веселии, и наша дружба обрела новые грани.

Между прочим, именно Майя подвигла меня на педагогическую стезю. Когда у меня родилась дочка, мама уже была больна, и я поняла, что уезжать на работу, как прежде, на целый день я не смогу. Тогда Майечка посоветовала мне поискать преподавательскую работу, но я не была уверена в своих способностях и не могла представить себя в роли лектора. Своими сомнениями я поделилась с Майей и в ответ услышала: «Ты что, не в состоянии проработать и дать материал?» – Это было сказано таким тоном, что мне стало стыдно, и я рискнула изменить род своих занятий, о чем нисколько не жалею.

...С рождением второго ребенка мой рабочий график существенно уплотнился, а потому в первые месяцы жизни дочки я укладывала ее спать на балконе и этим освобождала время для многочисленных домашних дел. Жилые корпуса метростроевского комплекса построены в форме буквы «Т», поэтому, укачивая малышку, я видела как бы «верхний срез» нашего двора и наблюдала жизнь знакомых семей в обращенных к нашему балкону окнах.

Как раз напротив – кухонное окно соседней с нами двадцать первой квартиры, где живут четыре семьи, причем в каждой по двое детей, а у Рязановых так даже трое. За многие годы нашего соседства жильцы в этой квартире менялись: одни

уезжали, другие въезжали им на смену, но, что характерно, количество детей не убавлялось: новые жильцы оказывались многодетными, на смену выращенным сыновьям и дочерям появлялись внуки... Просто какой-то агрегат по воспроизводству младенцев... В связи с этим на коммунальной кухне с утра до глубокой ночи гремели тазы и кастрюли, варилась еда в ведерных ёмкостях, кипятились баки с бельем и пеленками. В дневное время, правда, наблюдается некоторое затишье: взрослое население на работе, и парадом командует тетя Груша – маленькая старушка, дальняя родственница Рязановых, воспитывавшая их детей. Высунувшись из окна, она кричит: «Коля! Коля! Иди, чего дам!» – заманивает младшего из Рязановых делать уроки. Но не тут-то было: хитрый Коля давно уже смотался «на министерство» и находится вне зоны досягаемости...

Так как дочурка моя никак не засыпает, я в поисках новой информации обращаюсь к кухонному окну на пятом этаже и вижу там энергично хозяйничающую Айше Замалдинову – пожилую, сухощавую женщину, мать большой семьи, вырастившую четверых детей. Сам Замалдинов – знаменитый в 30-х годах, бригадир проходчиков, его фамилия до сих пор упоминается, когда празднуют юбилеи Метростроя. Двое его старших детей уже имеют собственные семьи; младшая дочка Альфия – миловидная тихая блондиночка, а вот третий ребенок – сын Вилька – просто настоящий разбойник. Помню, как он однажды терроризировал весь дом с помощью змей, которые в конечном итоге оказались ужами – но, поди, знай! Виля принес их для какой-то цели в свою квартиру, а они и расползлись повсюду. Паника была страшная, одну «змею» героически прикончил какой-то проходящий жених из двадцать первой квартиры, остальные куда-то подевались, но прошло еще немало времени, прежде, чем восстановилось общественное спокойствие.

Дети,.. кухни,.. змеи... Проза жизни! «Не забыть заправить суп... Намочить белье...» – соображаю, покачивая коляску. И вдруг я вижу и слышу такое, от чего и супы, и пеленки, немедленно вылетают у меня из головы: из окна маленькой комнаты на пятом этаже рядом с кухней несутся звуки скрипки – это играет соседка Замалдиновых Марина Ковенская, ученица музыкальной школы. При этом она с интересом разглядывает окружающую ее действительность, так что рано или поздно я попадаю в поле ее зрения: «Марина, что это ты играешь?» – свешиваюсь я с балкона. – «Романс» Багирова...» Мы с Мариной приятельницы: обе увлекаемся вязанием, а кроме того, она учится в той же музыкальной школе, где наш Алёша, и я слушаю ее в ученических концертах – то соло, то в ансамбле скрипачей. Марина, высокая и стройная девочка очаровательной внешности: у нее золотистые вьющиеся волосы и большие голубые глаза. Она очень похожа на свою тетю – артистку театра Моссовета Этель Ковенскую, ученицу Михоэлса. Родители Марины тоже готовились стать актерами, училась в драматической студии при Еврейском театре, но после гибели Михоэлса театр закрыли, и они вынуждены были сменить профессию: Маринина мама стала библиотекарем, отец – горным инженером...

Итак, я качаю на балконе коляску с ребенком и ежедневно слушаю, как играет Марина. Но в какой-то период я вдруг замечаю, что скрипка перестала звучать.

Оказывается, Марина решила бросить музыкальную школу: «Скрипачки из меня все равно не выйдет, – говорит она мне при встрече в лифте. – Ну что время понапрасну тратить! Лучше я зайду к Вам вечером, и Вы мне покажите, как вязать берет... Можно?» Я очень расстроена, но что я могу противопоставить Марининому практицизму? Мои сентенции о роли прекрасного в жизни человека она, видимо, пропускает мимо ушей...

Проходит неделя, другая... третья... И вдруг – что это? Я не верю своим ушам: Марина снова играет, из ее окна доносятся звуки скрипки! От радости, я чуть не вываливаюсь с балкона. «Марина! – кричу я. – Вот молодец! Умница!» – «Соскучилась по музыке», – говорит Марина, не переставая водить смычком вверх-вниз, вверх-вниз по струнам...

Сердце мое поет и ликует. Я покачиваю коляску и мечтаю о том, что через несколько лет и моя дочка возьмет в руки скрипочку, крошечную, как она сама. Потом побольше. А там дорастет и до скрипки моего отца. Этот инструмент лежит у нас на шкафу; папа изредка достает его из старинного деревянного футляра, настраивает, пытается что-то играть... «Вот выйду на пенсию и займусь серьезно», – каждый раз говорит он, а я, чтобы сделать ему приятное, уверяю его, что наша Иринка обязательно будет учиться играть на скрипке. – «Доживем – увидим...»

Не дожил... Не увидел, как его внучка вышла на сцену со скрипкой в руках... Но все это произойдет много-много лет спустя. Весной же 1966 года мои прогулки во дворе возобновились, так как наша будущая скрипачка, отказалась спать на балконе и требовала, чтобы ее выводили на улицу в башмачках и пальтишке, как взрослую. Этим она отличалась от своего старшего брата, который безропотно спал на балконе до двух лет.

Погрузившись снова в дворовую атмосферу, я обнаружила, что за минувшие годы обстановка тут заметно изменилась. Молодившиеся некогда ветераны Метростроя превратились в стариков и мирно сидели на скамеечках возле бывшей клумбы, которая окончательно захирела – видимо, ее единственная и бессменная попечительница О.В. Резникова тоже состарилась, а, может быть, даже уехала из нашего дома, оставив свою квартиру дочери Лиде, музыкальному работнику без выраженных склонностей к цветоводству. Подросшие наши мальчишки бегали сами по себе, играли в футбол в школьном дворе или «на министерстве», а с маленькими детьми гуляли какие-то совершенно мне незнакомые мамы. Впрочем, я вскоре с ними освоилась и обнаружила, что это, по большей части, жены молодых людей с нашего двора, которых я знала с довоенных лет.

На беленькую славную девочку по имени Алёнушка (еще одна!) я обратила внимание сразу, как только начала гулять во дворе. Она была немного старше моей Иринки, и когда та подросла, девочки очень подружились. Оказалось, что Алёнушка была племянницей Вовы Лозовского, дочерью его младшего брата Лёни и его жены Вали. Девочка была любимицей большой семьи: двух пар дедушек-бабушек, дяди-тети, ну и конечно, родителей, очень приятных молодых людей. Несмотря на такое количество окружающих взрослых, Алёнушка росла спокой-

ным, уравновешенным ребенком, воспитывали ее в достаточной мере строго, приучали к труду. Её мама и бабушка были отличными рукодельницами: бабушка шила, а Валя прекрасно вязала. «Весна идет, надо бы девчонкам что-нибудь новенькое придумать», – говорила Валя, и через несколько дней Алёнка появлялась во дворе в новой необыкновенной шапочке или кофте, а нам оставалось только воспроизводить Валины авторские модели. Так что, пока наши дочери играли, мы снимали рисунки и делали выкройки.

Алёнушка была первой подружкой моей дочери, они не только играла вместе во дворе, но и ходили друг к другу в гости... Когда мы уехали с Уланского переулка, Иринка долго скучала об Алёнушке и все просила меня отвезти ее на наш старый двор поиграть со своей любимицей. Но нам уже было не до того, тем более, что у нашей дочери появился маленький братец. Вот с ним-то и связаны последние эпизоды моей дворовой эпопеи.

Прошло больше четырнадцати лет с тех пор, как я вышла во двор со своим первым ребёнком, и вот мне уже под сорок, а я опять сижу на лавочке с завернутым в одеяльце малышом на руках. Стоит глубокая осень – ноябрь – погода ужасная: ветер, слякоть... На душе беспросветная печаль: только что умер папа, мама лежит в больнице в безнадежном состоянии... Подходят соседи, кисло поздравляют, шутят по поводу... Остроумная Лариса Гликина из второго подъезда, со слов своей многолетней подруги, уверяет, что трудно бывает только до пятого ребёнка, а там всё идёт как по маслу. Ей-то хорошо подтрунивать: у нее только одна дочь, и они с ней налегке собрались уезжать в Израиль... Пожалуй, Майя и Володя Лозовские были среди тех немногих, кто отнесся к нашей эскападе с пониманием. Они искренне радовались тому, что у нас родился сынок Егорушка, который, если не отвлекает, то хотя бы как-то переключает на себя эмоции в тех тяжелых испытаниях, которые выпали на долю нашей семьи.

В конце января 1970 года, похоронив маму, мы уехали с Уланского переулка на юго-запад Москвы в новую кооперативную квартиру. Из наших окон с одной стороны было видно большое село Тропарёво с покосившимися, предназначенными на слом домишками, палисадниками, старинной церковью на пригорке. С другой стороны – лес и небольшое поле возле него... Ничего привычного для глаза, лишь узкая полоса асфальта, по которой ходят редкие автобусы, напоминала об утраченной цивилизации. Темными зимними вечерами за лесом и полем зажигались окна в домах отдаленных кварталов города, и сквозь туманившие глаза слезы я долго вглядывалась в мерцающие огоньки, воображая себе, что вижу те места, где прошла почти вся моя жизнь, где остались дом, двор, люди, которых я знала и любила с детства...

Трудно было привыкать на новом месте, но жизнь берет свое. Постепенно освоились. Жить в большой и светлой четырехкомнатной квартире было намного удобнее, чем в полутемной комнате многолюдной коммуналки. Младшие дети подросли, начали ходить сначала в детский сад, потом в школу, которая была построена очень близко, буквально под нашими окнами. Институт, где я работала,

тоже обосновался недалеко от нас, так что бывать в центре города теперь, практически, не было необходимости. Только наш Алёша еще некоторое время ездил на Уланский переулочек: он там заканчивал школу и играл на знакомом дворе в футбол.

Годы летят быстро... Я давно не была в родных местах и сразу же отметила произошедшие там большие изменения... Широкой рекой течет поток машин по Проспекту Сахарова, мимо корпуса «Б» дома №14, мимо школы, где учились наши дети... А что творится, когда толпы народа приходят сюда на митинги! На Уланском переулочке снесли ветхие строения, где жили замкнутой колонией айсоры. Активно восстанавливается храм Дербенского Николы, там уже проводятся службы, и даже трудно себе представить, что в этом здании размещался некогда гараж.

Многое изменилось и в бывших метростроевских, а теперь обычных муниципальных домах. В период расселения коммунального жилья часть освободившихся квартир на нижних этажах заняли какие-то учреждения, и надежные кодовые замки не дают возможности зайти в знакомые подъезды. Наши бывшие соседи разъехались: одни в отдаленные районы Москвы, другие – в те края, откуда не возвращаются... Нет уже в живых моих родителей, брата, мужа... Ушли из жизни друзья нашей юности Майя и Володя Лозовские, умер молодым их сын Саша. Недавно скончалась Марианна Кошелева... «Уходят люди с нашего двора»... «Уж сколько их свалилось в эту бездну...» Чей теперь черед?.. О Смерть!

Стою посреди двора и предаюсь горьким размышлениям. И вдруг хлопает дверь парадного: из подъезда женщина осторожно вывозит коляску. Она проходит мимо меня, и я вижу незнакомое миловидное лицо... Быть может, это дочь или невестка кого-то из тех, с кем я была некогда знакома... Она идет в садик, садится на скамейку, а я слежу за ней глазами. На юном лице отсвет материнской озабоченности и нежности. Тихо покачивается коляска. Спокойно спит ребенок...
О Жизнь!

Напечатано в альманахе
«Лесной орех» №9,
Москва, 2013 г.